

Глава 5.

Тайна пустоты

Первоначально христианство было религией не догмы, а «таинств», и, на самом деле, в восточных православных церквях все еще говорят о таинствах христианства. Например, Пасха – это празднование подобного таинства, когда, согласно христианской традиции и верованиям, люди вспоминают о распятии и воскресении Христа.

Большинство ортодоксальных, практикующих христиан понимают оба эти события в одинаково буквальном смысле. Они верят, что Христос воскрес физически, исторически, точно так же, как был распят, и что впоследствии он вознесся на небеса, вместе со своей плотью, кровью, костями и всем прочим. Большинство практиков христианства верят, что весь его психофизический организм отправился на небеса в буквальном, физическом смысле и, как подразумевается, воссел на физическом троне по правую руку от Отца.

Конечно, буддисты в это не верят. В то время как распятие могло произойти в действительности, воскресение и вознесение, с точки зрения буддизма, почти наверняка являются мифом. Речь не о том, что эти мифы неистинны. Когда я говорю, что воскресение, а на самом деле и распятие, по своей сути прежде всего мифы, я не имею в виду, что они неистинны. Скорее я имею в виду, что истина, которую они содержат, является духовной, а не научной или исторической.

Таким образом, с точки зрения буддизма распятие, воскресение, весь праздник Пасхи на самом деле символизирует собой духовное возрождение после духовной смерти. Он символизирует собой победоносное появление нового состояния существа, даже нового состояния осознанности, из старого состояния. Мы можем даже сказать, что это символизирует – говоря языком Дзен-буддизма – великую смерть перед достижением великого Просветления.

Праздник Пасхи по своему происхождению – языческий праздник. Он отмечается весной, когда на деревьях распускаются новые листья, когда мы снова слышим пение птиц после тишины долгих зимних месяцев. Как пишет Беда Достопочтенный в своей «Церковной истории народа англосаксов», слово «Easter» берет начало от старого англо-саксонского слова «eostre», которое, как он утверждает, было именем дохристианской богини бриттов – предположительно, богини плодородия. И, конечно, в Библии нет предписаний относительно дарения пасхальных яиц. Яйцо, неразбитое яйцо, – универсальный символ жизни, особенно новой, возрождающейся жизни. Это символ воскресения в самом широком смысле, который можно обнаружить практически во всех религиозных традициях.

Например, в изображениях в этрусских погребениях, датирующихся 1000 г. до нашей эры, мертвые часто изображаются на стенах собственных могил откинувшимися на традиционных ложах и держащими в вытянутых руках яйцо, символ их веры в то, что смерть – не конец, и за ней последует новая жизнь. Тот же самый символ можно обнаружить в буддийских литературных источниках. Будда в писаниях Махаяны говорит о Бодхисаттве, полностью посвятившем свою жизнь благу всех существ, как о том, кто выбирается из скорлупы неведения.

Поэтому тайна Пасхи имеет значение для всех нас, если мы способны ощутить весь спектр подтекстов праздника, несмотря на то, что грубая буквальная интерпретация его мифологии все еще используется официально, и поэтому буддисты не могут отмечать его так

же, как христиане. Праздник Пасхи – это таинство, потому что эти мифы символизируют не доктрину, философию или догму, а опыт, нечто, суть чего невозможно передать, тайну. В своей универсальности это величайшая из тайн христианства.

В буддизме также есть свои тайны. И, возможно, величайшая из них, которая наиболее бескомпромиссно представляет собой опыт, не передаваемый по сути, – это тайна пустоты или, на санскрите, шуньяты.

«Пустотность» (voidness), «пустота» (emptiness) или даже, как передавал это Гюнтер, «ничтожность» (nothingness) – это прямой перевод слова «шуньята». Можно даже перевести это как «ноль»: в современных языках Индии ноль в математическом смысле – шунья. Но все эти более или менее буквальные, филологически верные переводы, как мы увидим, могут вести к заблуждениям.

Шуньята – это глубокая тайна не просто потому, что это трудная для понимания теория, сложная доктрина или особенно запутанный момент буддийской философии. Это тайна, потому что это вовсе не теория, доктрина или философия. Можно даже сказать, что это не просто тайна: это «загадка внутри головоломки, окутанная тайной» (если позаимствовать характеристику, данную Черчиллем советской политике). Шуньята, пустотность или пустота – это просто слова, которые мы используем, чтобы обозначить опыт – духовный, даже трансцендентный опыт, который мы никак не можем описать. Это тайна, потому что ее невозможно передать. Говорить о шуньяте так, как будто это доктрина, теория, философия и ничего более, – это фатальная ошибка, потому что она закрывает от нас любую возможность дальнейшего понимания.

Нельзя отрицать, что существует доктрина шуньяты, даже теория или философия шуньяты. Но нам нужно помнить, что эти концептуальные формулировки, подобно другим в буддийской традиции, существуют лишь в целях общения между Просветленными (теми, кто обладает опытом шуньяты) и непросветленными (теми, у кого нет такого опыта). То есть они представляют собой, так сказать, прежде всего – с точки зрения истории – передачу Буддой своего опыта своим непосредственным ученикам. И, обозначая истинность опыта Будды, они одновременно, исходя из собственного разнообразного контекста, указывают на то, каким образом мы сами можем пережить на опыте эту истину. Все эти так называемые доктрины, все эти формулировки – просто составляющие части «плота», единственная цель которого – перенести нас через воды рождения и смерти, через поток обусловленного существования, к берегу нирваны. Вне этой функции они не обладают никакой ценностью. Они – средства достижения цели, а не сама цель.

Это то, что мы всегда должны помнить, изучая буддизм, особенно в такой культуре потребления информации, как наша. Что бы мы ни узнали о буддизме, и в особенности о «философии» шуньяты, ее суть всегда остается тайной, чем-то, что нужно пережить как равную тайну в нашей личной духовной жизни.

Однако нужно сказать, что, являясь по своей глубочайшей сути вопросом опыта, предмет шуньяты нашел необычайно обширное и глубокое отражение в буддийских писаниях. На самом деле, эти писания, посвященные исследованию шуньяты, известные как сутры «Совершенства Мудрости», будучи собраны воедино, представляют собой, вероятно, самый важный корпус канонической литературы Махаяны.

Всего существует более тридцати сутр «Совершенства Мудрости», некоторые из которых насчитывают по несколько томов, а другие очень кратки. Наиболее известные из них

– это «Алмазная сутра», или «Ваджрачхеддика-сутра», и «Хридая», или «Сердечная сутра», каждая из которых довольно коротка и ежедневно читается в дзенских монастырях в Японии, а зачастую также и в тибетских монастырях.

Но все эти сутры, известны ли они или позабыты, главным образом касаются одной темы: шуньяты, пустотности, пустоты. Более того, во всех них этот вопрос рассматривается, по сути, одинаково: не логически, не метафизически, а как непосредственный духовный опыт. Большинство из этих текстов, как и другие сутры, преподносится в форме проповедей, данных Буддой, который говорит из глубины своего собственного трансцендентного опыта.

Они называются сутрами «Совершенства Мудрости», потому что именно посредством духовной способности Совершенства Мудрости, или праджня, воспринимается или, точнее, интуитивно постигается истина пустоты. Или, если выражаться более точно (то есть менее двойственно), праджня, Совершенство Мудрости, представляет собой субъективную сторону, а шуньята – объективную сторону того, что по сути является одним и тем же недвойственным опытом.

Однако было бы ошибочно воображать, что, раз мы говорим об опыте, мы имеем дело с чем-то простым или единичным. То, что мы называем шуньятой, состоит из целого спектра переживаний. Любой тибетский монах должен уметь без запинки назвать по крайней мере тридцать два вида шуньяты, и ожидается, что он их также изучил.

И не только монах, как я узнал от моего друга в Калимпонге (городе у подножия Гималаев, где я жил в пятидесятые). Этот джентльмен одно время правил провинцией Гьянце в Тибете и был женат на старшей дочери махараджи Сиккима, принцессе Пеме Цедюн. Помню, как-то она сказала (с большим юмором): Когда мы бываем в Лхасе, моего мужа никогда не бывает дома. Он всегда в каком-нибудь монастыре, обсуждает буддизм с ламами. Я едва его вижу». Заинтригованный, я спросил у него: «И что тебе нравится обсуждать с ламами?» На мгновение он задумался, а затем сказал: «Ну, обычно, поговорив о том или ином, мы обычно обсуждаем – и иногда всю ночь – то, что нам действительно нравится, тридцать два вида пустоты». (Так что теперь вы знаете, где прежде всего нужно искать мужа, пропадающего на целую ночь, в Лхасе).

Однако для начала, вероятно, довольно разумно ограничиться только четырьмя – главными и самыми важными – из этих тридцати двух видов шуньяты. Это не просто четыре различных вида шуньяты в буквальном смысле, как бывает четыре разных сорта капусты или нарциссов. На самом деле они представляют собой четыре последовательных стадии в нашем опыте тайны пустоты, четыре ключевых момента в постоянно углубляющемся опыте реальности.

Пустотность обусловленного

Это первая из четырех шуньят: самскрита-шуньята, что буквально означает «пустотность обусловленного». Для того, чтобы ее понять, мы должны постичь основное буддийское различие между обусловленной реальностью (которая зависит от причин и условий) и Необусловленной реальностью (которая не в такой мере зависима). Обусловленная реальность – это существование, которое нам знакомо на этой земле, и оно распознается по трем фундаментальным характеристикам: оно не приносит удовлетворения, непостоянно и лишено неизменной индивидуальности или самости.

Необусловленная реальность, то есть нирвана, напротив, обладает противоположными

характеристиками – хотя они не все столь четко противопоставлены, как можно было бы ожидать. Первая из них довольно пряма: Необусловленная реальность – это высочайшее блаженство. Вторая, конечно, – это то, что Необусловленная реальность вечна, хотя эту характеристику нужно понимать не в смысле бесконечности во времени, но в том смысле, что она вообще выходит за пределы времени. Что касается третьей характеристики, если обусловленное лишено самости, то Необусловленное, несомненно, должно обладать самостью. Но здесь между буддийскими школами существует различие – хотя главным образом это различие в терминологии.

Например, тхеравадины говорят, что не только обусловленное лишено самости, Необусловленное, нирвана, также лишено самости. Эта пустота от самости, очевидно, не является одной и той же в обоих случаях, но эти различия не всегда разъясняются. Некоторые из школ Махаяны, напротив, говорят о Необусловленном в терминах самости, как о маха-атме, «великом Я», или (в традиции Дзен) – как о «подлинном» или «настоящем» «я».

Последователи Тхеравады обычно имеют серьезные возражения против такого понимания – и небезосновательно. Есть большая и реальная опасность наделить «я» самостоятельным бытием, когда отдельного «я». Хотя в каком-то смысле говорить о высшем или великом «я» довольно справедливо, по крайней мере, поэтически, всегда сохраняется опасность того, что вместо стремления избавиться от чувства «я» мы просто подменим одно «я» другим, замещая относительно грубое эго более тонкой, возвышенной самостью.

В то же самое время важно помнить, что все точные утверждения о нирване не обязательно носят характер аналогии: ни одно из них не стоит воспринимать буквально. Мы можем говорить о нирване как о «высшем блаженстве», нирванам парамам сукхам, но это определено не блаженство, как мы его понимаем, каким бы богатым ни было наше воображение. Даже если мы умножим блаженство, с которым мы знакомы, в сто или тысячу раз, мы и близко не получим представления о том, каково на самом деле блаженство нирваны. Мы используем слово «блаженство» в значении аналогии.

Столь же справедливо и то, что подобным образом возможно использовать и слово «я», и именно так и поступают последователи Махаяны. Они поступают так не слишком часто, а когда поступают, делают это осмотрительно. Кроме того, их право так поступать подтверждается каноническими писаниями. В Махаяне можно обнаружить несколько сутр, в которых Будда говорит о нирване как о «великом я» - например, в «Махапаринирвана-сутре» (не путать с «Махапариниббана-суттой» Палийского канона). Но на самом деле термин «маха-атма» можно найти даже в Палийском каноне. Он употребляется в строфах «Ангуттара-никаи», собрания «последовательных изречений», в которых он (в палийском варианте «маха-атта») используется в довольно благоприятном ключе, также являясь своего рода обозначением нирваны.

Тантры, несомненно, заходят еще дальше Махаяны: как синонимы Просветления используется не только «великое я», но даже «великая страсть» или «великий гнев». Это следует понимать в эзотерическом смысле – такие определения используются в определенной предписанной традицией ситуации или контексте, в которых они могут дать положительный результат, а не представлять опасность. На Западе, где все еще нет соответствующей безопасной традиции, есть некоторая опасность неправильного понимания их значения.

Все это касается спорного вопроса об анатмане или бессамостности как характеристике обусловленного существования и еще одной характеристике нирваны. Но

теперь мы можем увидеть, в чем заключается пустотность обусловленного. Жизнь, какой мы ее знаем, обусловленная реальность, пуста от Необусловленного и его свойств. Блаженство, постоянство и подлинное самобытие нельзя обнаружить в этом мире, и если мы стремимся к ним, нам нужно выглянуть за границы этого мира, поднять взор к высшему измерению реальности. «Пустотность обусловленного» заключается в том факте, что оно «пусто» от Необусловленного.

Пустотность необусловленного

Если обусловленное пусто от Необусловленного, тогда от чего пусто Необусловленное? На самом деле это очевидно: Необусловленное пусто от обусловленного. В Необусловленном, нирване, нет страданий, нет непостоянства, нет ложного «я» – оно пусто от всего этого. Это вторая из четырех шуньят – асамскрита-шуньята, «пустотность Необусловленного», которая заключается в том факте, что оно пусто от обусловленного.

Необусловленное – также и «запредельное». Это не идеальное выражение, но оно более или менее точно соответствует санскритскому и палийскому слову «локуттара». «Лока» означает «мир», а «уттара» – «выше» или «за пределами»; следовательно, запредельное – это просто то, что находится над миром или за его пределами. Оно не находится выше или за пределами в смысле пространства, только в том смысле, что оно необусловлено. Оно за пределами всех страданий, за пределами непостоянства, за пределами чувства «я» (по крайней мере, за пределами ложного чувства «я»). Оно выше и запредельно всему, о чем мы можем помыслить, всего, что мы можем представить или вообразить себе. Размышляя об этом, ум останавливается и терпит неудачу, словно перед нами – только огромное пустое пространство, неограниченная и непостижимая полнота.

Это Необусловленное, запредельная реальность, цель духовной жизни, арьяпариесаны, благородного стремления обусловленного существа в поисках. Необусловленного. И, несомненно, нельзя выйти за пределы этого, подняться над ним или стать выше него, нельзя продвинуться дальше. По крайней мере, что касается некоторых школ буддизма, это невозможно. Школы так называемой классической Хинаяны – Сарваствивады – придерживаются представления о двух взаимно исключающих реальностях, обусловленной и Необусловленной, и это различие обеспечивает большинству из нас, если не практически всем нам, довольно адекватную основу для нашей духовной жизни. Но Махаяна в литературе Совершенства Мудрости заходит еще дальше.

Великая пустота

Это третья шуньята – маха-шуньята. Это пустота самого различия между обусловленным и Необусловленным, между миром и тем, что находится за его пределами, сансарой и нирваной. На этом этапе мы постигаем на опыте и осознаем, что различие, на котором до этих пор основывалась вся наша духовная жизнь, в конечном счете, – лишь анализ, произведенный умом, сотворенный умом. Это только концепция, концептуальное, а не реальное различие. Все, обусловленное и Необусловленное, в равной мере является шуньятой. Все это – одно и то же ничто, одна и та же пустота, одна и та же великая шуньята. Эта маха-шуньята объединяет в себе все противоположности, все различия, какими бы они ни были.

Согласно учениям «Совершенства Мудрости», все вещи, какими бы они ни были, большими или маленькими, высокими или низкими, чистыми или нечистыми, Просветленными или непросветленными, все существующие вещи, принадлежат одной и той

же уникальной, невыразимой, абсолютной реальности, в которой нет никаких различий. Не то чтобы различия были стерты или уничтожены, но все они временны, не окончательны и не абсолютны. Таким образом, это учение дает очень обширную перспективу – на самом деле, мы сами совсем не обладаем такой перспективой, но оно показывает, какой она может оказаться в конце концов.

Пустотность пустотности

Шуньята-шуньята, пустота пустоты, – последний и в некотором роде самый важный уровень пустотности. Он напоминает нам, что сама пустота при ближайшем рассмотрении оказывается лишь необходимой нам концепцией. Пусто не только обусловленное, пусто не только Необусловленное – даже сама абсолютная Пустота, Великое Ничто, сама по себе пуста. Она не является неизменным учением или догмой, за которую мы, в конце концов, можем ухватиться. Ее тоже нужно отвергнуть.

Согласно великому диалектику школы Мадхьямака, Нагарджуне, все учение – или скорее опыт – шуньяты предназначено для того, чтобы быть лекарством от всевозможных привязанностей, будь они к обусловленному или Необусловленному. Эти учения предназначены для исцеления от любой формы привязанности к «я», от самой грубой до тончайшей, будь это привязанность к маленькому эго или великой самости. Он говорит, что, если в итоге мы становимся привязанными к самой шуньяте, то мы заразили само лекарство, которое должно было нас излечить. Если само лекарство становится ядом, наш случай безнадежен.

Поэтому нам нужно идти вперед с большой осторожностью. Нагарджуна даже утверждает: «Лучше быть привязанным к «я», столь же великому, как гора Сумеру, чем быть привязанным к идее шуньяты». Если вы привязаны к представлению о «я», вы всегда можете излечиться с помощью лекарства шуньяты. Но если вы привязаны к самой шуньяте, нет лекарства, которое бы вас излечило. И когда мы начинаем рассматривать шуньяту как догму, доктрину или концепцию, или даже как опыт, тогда мы начинаем обживать в ней, привязываться к ней. Следовательно, нам на самом деле нужно двигаться вперед очень осмотрительно.

Пустота находится за пределами даже пустоты. Пустоту нельзя описывать даже в терминах пустоты. Это пустотность пустотности, шуньята-шуньята. В конце концов, самый подходящий способ выражения в отношении четвертой шуньяты – отбросить длинные и утонченные объяснения, комментарии и комментарии на комментарии и не говорить вообще ничего. Можно быть настолько красноречивым и проникновенным, насколько вам это нравится, но в конечном итоге шуньята всегда останется тайной, величайшей из всех тайн, если иметь в виду учения Будды. Ее нельзя объяснить или даже описать.

Сама идея написать маленькую аккуратную главу или прочитать гладкую, завершённую лекцию на эту тему на самом деле довольно смехотворна. В лучшем случае можно дать разрозненные намеки, маленькие предположения и просто указать примерное направление, как мы указываем пальцем на луну. И если мы уверены, что не принимаем палец за луну, не принимаем эти намеки и предположения слишком буквально, тогда некоторые из них смогут помочь нам, подтолкнув нас к действительному опыту шуньяты, который сходен с опытом самого высочайшего Просветления.

Таким образом мы развиваем опыт шуньяты до того момента, где слова уже не могут быть нам полезными. Мы начинаем с опыта пустоты мира. Это глубокое осознание того

факта, что все мирское, мир, каким мы его знаем, не имеет в себе ничего, совершенно буквально ничего, повторяю, ничего, что в конечном счете представляло бы для нас интерес или было по-настоящему ценно.

Поскольку этот мир пуст, наше внимание обращается к запредельному, Необусловленному. Мы, так сказать, погружаемся в него и, к нашему восторгу, понимаем, что оно пусто от всего мирского. Что можно обнаружить в мире, нельзя обнаружить здесь. В мире было страдание, здесь мы находим блаженство. В мире было непостоянство, здесь мы обнаруживаем вечность. В мире не было подлинного индивидуального «я», здесь, теряя «я», мы находим свою подлинную индивидуальность.

В конце концов, мы погружаемся в Необусловленное настолько, что забываем все об обусловленном. И тогда мы погружаемся в Необусловленное настолько, что забываем все о Необусловленном. А, забыв об обусловленном и Необусловленном, мы теряем любое ощущение различия между обусловленным и Необусловленным, мирским и запредельным. И после этого (хотя в этом осознании природы реальности, безусловно, нет различия между «до» и «после») мы достигаем состояния (хотя на самом деле это вовсе не «состояние»), которое можно выразить и передать только молчанием. В этом молчании мы переживаем на опыте тайну пустоты.